

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.3)''18/19''_(093.3)+37.014.521:271.2''духовенство''

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЯХ РОССИИ XIX ВЕКА ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ВЫПУСКНИКОВ¹

Т. Г. Леонтьева

Тверской государственной университет, кафедра отечественной истории,
Тверь, Россия

В статье представлен анализ учебного процесса в духовных семинариях России в XIX в. и его трансформация в ходе серии реформ. Автор полагает, что изъяны в организации работы духовных школ оказали влияние на внутрисеминарские противоречия, настроения семинаристов и профессиональное поведение преподавателей. Реальная глубина проблем духовного образования раскрывается по преимуществу через источники личного происхождения. В итоге сделан вывод, что учебный процесс, который призван был приобщить воспитанников семинарий к миру русской духовной культуры, ознакомить их с православным наследием многих веков, оказывал деструктивное воздействие на учащихся и способствовал снижению статуса духовного образования.

Ключевые слова: *духовная семинария, семинаристы, учебный процесс, реформы духовных школ, Тверская епархия, воспоминания семинаристов, православный священник.*

Образовательный процесс определяет культурный облик грядущих поколений. Знания и ценности, которые закладывались в умы и души будущих наставников православного населения России, призваны были «спасти и сохранить» гигантскую империю. После того как ушли в прошлое выборы священников, их целенаправленная подготовка начинается в духовных учебных заведениях. По данным отчётов обер-прокуроров на протяжении XIX в. их численность нарастала: в начале века функционировали 36 семинарий, к 1850-м гг. – 47, к началу XX в. на территории империи насчитывалось уже 57². Однако чему и как учили в духовных школах России?

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта «Мемуары воспитанников духовно-учебных заведений как отражение процесса трансформации ментальности духовенства на рубеже XIX–XX веков», проект номер 16-01-00468/16.

² См.: Доброклонский А. П. Руководство по истории русской церкви. М., 1999. С. 589; Литвак Б. Г. Русское православие в XIX в. // Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 335; Всеподданейший Отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. Приложения. С. 155.

Была ли семинария рассадником знаний и благочестия, могла ли стать институтом обновления церкви и насколько ее деятельность соответствовала объективным интересам государства?

В XIX в. семинарии действовали почти во всех губернских городах как в центре, так и на окраинах. Они были довольно крупными учебными заведениями: в среднем в каждом обучались до 600 воспитанников. Содержание учебного процесса, репертуар изучаемых дисциплин, наполняемость классов регламентировались Уставами, которые довольно часто обновлялись, но неизменной оставалась главная цель – «приготовление юношества к служению православной Церкви»³. Однако понимание задач духовной школы и средств их реализации на протяжении XIX в. не раз менялось, и на содержании учебного процесса по-своему сказывалось положение дел в государстве и церкви. Теоретики духовного образования по-разному видели возможности воплощения в жизнь задуманного, в программах заметны постоянные перекосы в сторону то богословских, то «жизненно важных» предметов.

До 30-х гг. XIX в. в семинариях отдавалось предпочтение наукам, способствовавшим «развитию духа, знания, которое не поддается точному и очевидному учёту», и игнорировались «развитие дисциплины, умение, практическая приспособленность к непосредственному исполнению предстоящих обязанностей». Однако преподавание основных предметов – словесности (риторики), философии и богословия – велось на латинском языке вплоть до 1840-х гг.⁴

В результате получалось, что молодые священники не умели «ни петь, ни читать по-церковному, ни отправлять богослужения». Не удавалось им обычно найти и духовный контакт с паствой. Поддерживать связь с прихожанами даже на уровне ритуала они не умели. Как отмечали современники, «своею превыспренною, книжною речью», неумелостью священники просто смешали мирян. По замечанию М. М. Сперанского, в прошлом семинариста, проповедь духовенства «спорила с неверующими, но не назидала верующих»⁵.

Dobroklonskii A. P., *Rukovodstvo po istorii russkoi tserkvi*, М., 1999, S. 589; Litvak B. G., *Russkoe pravoslavie v XIX v.*, Russkoe pravoslavie. Vekhi istorii, М., 1989, S. 335; *Vsepoddaneishii Otchet ober-prokurora Svyateishhego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1905–1907 gg.*, SPb., 1910, Prilozheniya, S. 155.

³ Объяснительная записка к Уставу духовных семинарий 1884 г. // *Мраморнов А. И.* Духовная семинария в России начала XX века. Кризис и возможности его преодоления. Саратов, 2007. С. 227.

Об"yasnitel'naya zapiska k Ustavu dukhovnykh seminarii 1884 g. // *Мраморнов А. И.* *Dukhovnaya seminariya v Rossii nachala XX veka. Krizis i vozmozhnosti ego preodoleniya*, Saratov, 2007, S. 227.

⁴ Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева, профессора русской словесности Казанской духовной академии // *Православный собеседник*. 2005. № 2. С. 128.

Vospominaniya Ivana Yakovlevicha Porfir'eva, professora russkoi slovesnosti Kazanskoi dukhovnoi akademii, Pravoslavnyi sobesednik, 2005, № 2. S. 128.

⁵ История православной церкви в XIX веке. Славянские церкви. М., 1998. С. 609–612. *Istoriya pravoslavnoi tserkvi v XIX veke. Slavyanskije tserkvi*, М., 1998, S. 609–612

Обер-прокурор Н. А. Протасов ещё в 1830-е гг. признал состояние семинарий неудовлетворительным, а главный недостаток усмотрел в несовершенстве учебных планов и программ обучения. Он распорядился срочно разработать новые планы, что было сделано группой ректоров духовных семинарий под его непосредственным руководством. Видимая сторона реформы впечатляла обстоятельностью. Нововведения охватывали всю систему духовных учебных заведений, увеличивалось их финансирование. В семинарский курс вводились новые науки: библейская история, патристика (изучение творений святых отцов церкви – Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Афанасия Александрийского); подчёркивалось значение изучения Священного Писания и русской церковной истории. Семинарскому начальству предписывалось также проведение катехизических бесед для подготовки будущих пастырей к практической деятельности. Со слов профессора И. А. Порфирьева, семинариста эпохи «протасовских» реформ, образование пока ещё сохраняло теоретическую направленность, но по преимуществу велось на латинском языке и только с начала 1840-х гг. «главные» науки – риторику, философию и богословие стали преподавать на русском языке⁶.

В общий курс в качестве самостоятельных дисциплин вводились сельское хозяйство, землемерие / земледелие, медицина и даже естественная история. Благие намерения «сделать священника народным врачом» и «сельским хозяином» вызвали критику уже в процессе освоения новых дисциплин: медицину преподавали по университетским учебникам, что оказалось «бесполезным... применительно к народным потребностям», а «возиться с навозом» представлялось занятием непристойным для человека в сане⁷. Однако, по официальным данным, в середине 1840-х гг. медицине обучалось около 4 тыс. семинаристов, агрономии – свыше 6 тыс.⁸

Реформаторы учитывали и региональный фактор – в окраинных семинариях вменялось особо тщательное постижение иконописания и «инородческих языков»⁹. В процессе подготовки будущего священника явно усиливался миссионерский компонент.

К середине XIX в. перед духовными школами была поставлена более конкретная задача: «подготавливать *достойных* (курсив мой. – Т. Л.) священнослужителей», что нашло своё отражение в Уставе 1867 г. «Достойных» в контексте Великих реформ означало – просвещённых, не случайно в программах семинарий после выхода в свет Устава обнаружился явный пере-

⁶ Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева. С. 128.

Vospominaniya Ivana Yakovlevicha Porfir'eva, S. 128.

⁷ Там же. С. 131–132.

Ibid, S. 131–132.

⁸ Извлечения из Отчета обер-прокурора Св. Синода за 1847 год. СПб., 1848. С. 47; Извлечения из Отчета обер-прокурора Св. Синода за 1852 год. СПб., 1853. С. 65.

Izvlacheniya iz Otcheta ober-prokurora Sv. Sinoda za 1847 god, SPb., 1848, S. 47; *Izvlacheniya iz Otcheta ober-prokurora Sv. Sinoda za 1852 god*, SPb., 1853, S. 65.

⁹ История православной церкви в XIX веке. С. 614.

Istoriya pravoslavnoi tserkvi v XIX veke, S. 614.

кос в пользу общеобразовательных дисциплин, в том числе – классических языков¹⁰. «Прикладные» светские науки «должны были сделать из семинаристов не только пастырей духовных, но и руководителей народа в житейских делах – хороших землемеров, агрономов и врачей»¹¹ – протасовские идеи вопреки общественному мнению все же переключались в новый Устав.

«Пострадало» по новому Уставу и церковное пение – эту столь значимую для будущего пастыря дисциплину «как предмет почти посторонний, дополнительный, неважный» вывели за рамки расписания¹². В результате, со слов современников, семинарии «стали более светскими общеобразовательными, чем духовными учебными заведениями», а главная цель отступила на второй план¹³.

Особое внимание уделялось укреплению знаний для будущих служителей сельских приходов, согласно новому Уставу в семинариях вводился новый курс – «Практическое руководство для пастырей церкви». В содержание дисциплины входило учение о нравственных качествах и обязанностях пастыря православной церкви и свод литургическо-канонических наставлений. Любопытно, что первоначально этот предмет строился и преподавался по схеме аналогичного курса западных семинарий (*Theologia pastoralis*), лишь со временем появились базовые труды отечественных авторов: наиболее популярным учебником стало «Практическое руководство для священнослужителей» П. И. Нечаева, выдержавшее 11 изданий. Заметим, что «приживался» новый Устав медленно, только в Воронежской семинарии вплоть до 1872 г. обучались по отжившим свой век «протасовским» правилам¹⁴.

22 августа 1884 г. Александром III был высочайше утверждён новый Устав духовных семинарий. Основное его новшество – упрощение порядка управления духовными учебными заведениям за счёт самоуправления и выборного начала. Более широкие права получали Синод и епархиальные архиереи, в руках последних сосредоточилась фактически неограниченная власть над семинариями. Назначения на службу осуществлялись теперь по следующей схеме: высшее церковное начальство присылало ректора (из монашествующих кандидатов или магистров богословия), остальные должности распределял местный владыка. Инспектор (второе лицо после ректора), надзиратели, преподаватели появлялись в семинарии или покида-

¹⁰ Объяснительная записка к Уставу духовных семинарий 1884 г. С. 229.

Ob'yasnitel'naya zapiska k Ustavu dukhovnykh seminarii 1884 g., S. 229

¹¹ Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания // Звонарь. 1906. № 1. С. 267.

Tsezarevskii P. V., *Shestidesyatye gody v dukhovnoi seminarii. Vospominaniya*, Zvonar', 1906, № 1, S. 267.

¹² Объяснительная записка к Уставу духовных семинарий 1884 г. С. 228.

Ob'yasnitel'naya zapiska k Ustavu dukhovnykh seminarii 1884 g., S. 228.

¹³ Там же.

Ibidem.

¹⁴ Цезаревский П. В. Указ. соч. // Звонарь. 1906. № 6. С. 275.

Tsezarevskii P. V., *Op. cit.*, Zvonar', 1906, № 6, S. 275.

ли её также с его благословения. Вводилась должность семинарского духовника. В воспоминаниях очевидцев отразились все издержки этого новшества: чтобы занять должность преподавателя кандидатам порой приходилось лукавить и интриговать¹⁵. Общее число учащихся сокращалось.

Обновилось и содержание учебного процесса. В программу, как и прежде, входили Священное Писание (Ветхий и Новый завет) и библейская история, история церкви, в том числе и российской, основное догматическое и нравственное богословие, практическое пастырское руководство, гомилетика, литургия, русская словесность и история русской литературы, гражданская история – всеобщая и русская, алгебра, геометрия, основание пасхалий, физика, логика, психология, начало основания и краткая история философии и дидактика, церковное пение¹⁶. Но при этом новые иностранные языки вывели в разряд факультативных, увеличивалось число часов, отводимых на русскую литературу и церковное пение. Последний предмет предыдущий Устав (1867) вывел в разряд факультативов как «почти посторонний, дополнительный, неважный», отчего (со слов очевидцев) подготовка будущих священников к профессии оказалось ущербной, «стал оскудевать дух церковности... в учениках семинарии стало замечаться охлаждение к духовному званию»¹⁷.

Для устранения перегибов в пользу «светских» дисциплин новым Уставом сокращались занятия по философии, древним языкам (латинскому и греческому), математике. Вводились новые церковные предметы: история русского раскола, апологетика, сравнительное богословие и даже тригонометрия. Получивший на этой основе образование священник, несомненно, должен был стать более подготовленным к служению, чем его предшественник.

Реформы способствовали превращению семинарии во Всесословное учебное заведение, доступное всем юношам православного исповедания. В принципе это нововведение могло сыграть громадную роль в провинции, где семинарии были едва ли не самыми престижными учебными заведениями для средних и низших слоёв населения. Однако в крупных городах они по-прежнему не выдерживали конкуренции со стороны светских гимназий, училищ, частных пансионов. Здесь им суждено было сохранять статус узкосословного учебного заведения. К тому же «внутренние нестроения» в бурсе, падающая престижность профессии священника во всё боль-

¹⁵ Из истории провинциального духовенства: записки священника В. Ф. Владиславлева / сост. Д. А. Беговатов, Т. Г. Леонтьева. Тверь, 2012. С. 260–264.

Iz istorii provintsial'nogo dukhovenstva: zapiski svyashchennika V. F. Vladislavleva, sost. Begovatov D. A., Leont'eva T. G., Tver', 2012, S. 260–264.

¹⁶ См.: Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т. В. Барсов. СПб., 1885. С. 523–524.

Sbornik deistvuyushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovlenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya, sost. T. V. Barsov, SPb., 1885, S. 523–524.

¹⁷ Объяснительная записка к Уставу духовных семинарий 1884 г. С. 228.

Ob'yasnitel'naya zapiska k Ustavu dukhovnykh seminarii 1884 g., S. 228.

шей степени отбивали у горожан стремление к тому, чтобы их дети посвящали себя служению церкви. Анализ социального состава учащихся показывает, что среди «иносословных» преобладали выходцы из крестьян, а дети священно- и церковнослужителей по-прежнему составляли в семинариях большинство – свыше 80 %¹⁸. Среднеарифметические данные по России совпадают с региональными: в одной из крупнейших духовных школ России – Тверской духовной семинарии – к 1895 г. контингент обучающихся включал в себя 21 % иносословных (16 % – горожан, 5 % – детей крестьян и солдат). В 1904–1905 учебном году их представителей было 12,7 %; в 1916–1917 – 19,5 %¹⁹. Исключение составляли окраинные семинарии, более «светские» по социальному составу²⁰.

Итак, в ходе учебного процесса в духовных учебных заведениях предполагалось приобщить к миру русской духовной культуры и православному наследию многих веков выходцев из традиционалистской среды. В этой связи неизбежно возникает вопрос о педагогических ресурсах и методиках обучения и непременно – о степени подготовленности контингента обучающихся.

Как отмечали аналитики из церковного ведомства, главная причина успеха состояла «не в количестве учебных часов, но в самом способе преподавания»²¹. Воспоминания семинаристов свидетельствуют, как трудно было ученику добраться до смысла и глубины православного учения и тонкостей богословия даже при наличии подготовленного педагога²². Уровень подготовки преподавателей на протяжении первой половины XIX в. оставлял желать лучшего. Разумеется, в каждой семинарии находился «чудный лектор», способный ввести воспитанников в «общее течение интеллигентной русской жизни», расширить их «общественный кругозор и умственную

¹⁸ Сушко А. В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 111.

Sushko A. V., *Dukhovnye seminarii v Rossii (do 1917 g.)*, *Voprosy istorii*, 1996, № 11–12, S. 111

¹⁹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 575. Оп. 1. Д. 625. Л. 16 об.; Д. 1552. Л. 148; Всеподданейший отчет Святейшего Синода. 1905–1907 гг. Приложение 48. СПб., 1908. С. 155.

State Archives of the Tver region (GATO), F. 575, Op. 1, D. 625, L. 16 ob.; D. 1552, L. 148; *Vsepoddaneishii otchet Svyateishogo Sinoda. 1905–1907 gg.*, *Prilozhenie 48*, SPb., 1908, S. 155.

²⁰ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 92.

Evlogii (Georgievskii), mitropolit, *Put' moei zhizni*, M., 1994, S. 92.

²¹ Объяснительная записка к Уставу духовных семинарий 1884 г. С. 229.

Ob'yasnitel'naya zapiska k Ustavu dukhovnykh seminarii 1884 g., S. 229.

²² «Воспоминания семинариста» Кашинского священника П. С. Колерова о Тверской духовной семинарии периода 1841 – 1847 гг. // Тверской государственный объединенный музей. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 7-8.

«*Vospominaniya seminarista*» *Kashinskogo svyashchennika P. S. Kolerova o Tverskoi dukhovnoi seminarii perioda 1841–1847 gg.*, Tver State United Museum, F. 3, Op. 1, D. 10, L. 7–8.

жизнь»²³. Но из отчётов ревизоров из Учебного комитета при Синоде, а также воспоминаний бывших семинаристов следует, что иные преподаватели не обладали даже простейшими педагогическими навыками.

Однако в атмосфере реформ середины XIX в. казённый «учебно-грамматический классицизм» постепенно разрушается под напором творческих начинаний преподавателей как светского, так и духовного звания. В Олонецкой духовной семинарии в учебном процессе появляются диспуты, изложения, экскурсии, паломнические поездки²⁴. В Воронежской семинарии темы для составления учебных проповедей берут из общественной жизни, требуя отразить многообразие взглядов на событие и продемонстрировать «... умение обращаться с источниками, производить литературные исследования, комбинировать факты и самостоятельно достигать выводов из прочитанного и продуманного»²⁵.

Немаловажным фактором оставалось скудное финансирование «отрасли» и, как следствие, бедственное положение обучающихся. Примечательно, что на протяжении рассматриваемого периода положительная динамика практически не просматривается. Годовой оклад преподавателя без степеней составлял 1 000 руб., магистрам доплачивали 350 руб. в год, кандидатам – 250 руб. Жалобы лавочников и хозяев съёмных квартир в администрацию семинарий указывают на то, что этих средств недоставало для оплаты элементарных бытовых расходов. Нужда становилась столь очевидной, что иным приходилось выпрашивать у семинарского начальства деньги на дрова, лечение, одежду²⁶. Вот как выглядела опись имущества покойного профессора Новикова из Тверской духовной семинарии (1835 г.): «... шинель на фланели с бобровым воротником, плащ суконный на фланели, форменный фрак с брюками и другой фрак, два жилета, ситцевая рубашка, три каленкоровых манишки». Вся его хозяйственная утварь состояла из самовара с отломанным краном, графина и двух рюмок. Составитель описи иронично замечает, что «только книг было довольно много сравнительно с более прозаическими предметами»²⁷. Экс-семинарист Цезаревский вспоминал, что один из лучших преподавателей Воронежской семинарии (1858 г.) одевался в «подбитое ветром пальто, что даже семинаристам в холодное время оно казалось излишне прохладным»²⁸.

²³ Цезаревский П. В. Указ соч. // Звонарь. 1906. № 1. С. 270–273, 275.

Tsezarevskii P. V., *Op. cit.*, Zvonar', 1906, № 1, S. 270–273, 275.

²⁴ Очерки истории православия в Карелии / сост. Э. Д. Степанова. Петрозаводск, 2008. С. 136–137.

Ocherki istorii pravoslaviya v Karelii, sost. E. D. Stepanova, Petrozavodsk, 2008, S. 136–137.

²⁵ Цезаревский П. В. Указ соч. // Звонарь. 1906. № 2. С. 282.

Tsezarevskii P. V., *Op. cit.*, Zvonar', 1906, № 2, S. 282.

²⁶ Тверские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1881. № 24. С. 563.

Tverskie eparkhial'nye vedomosti (TEV), 1881, № 24, S. 563.

²⁷ Там же. С. 563–564.

Ibid, S. 563–564.

²⁸ Цезаревский П. В. Указ соч. // Звонарь. 1906. № 1. С. 271.

Tsezarevskii P. V., *Op. cit.*, Zvonar', 1906, № 1, S. 271.

Перечисленные факторы, безусловно, влияли на качество учебного процесса, однако многое зависело и от способностей учеников, формы и системы подачи материала. Уровень подготовки абитуриентов отличался разительными контрастами. На одной семинарской скамье могли оказаться и воспитанные на агиографичных «Житиях...» подростки из священнических семей, и лица со светским образованием, едва знакомые с уроками Закона Божьего. Между тем будущим священникам предстояло вникать в перипетии библейской и церковной истории, овладевать тонкостями литургии, гомилетики, апологетики. Всё это предстояло не просто усвоить, но и научиться передавать другим.

Как подчёркивали повзрослевшие воспитанники семинарий, все науки осваивались с помощью зубрежки (долбни – на семинарском жаргоне). «Ужасающая и мертвящая... она проникала в кровь и кости ученика» и заставляла его сидеть над книгой «без конца и смысла»²⁹. Этот метод, конечно, был малоэффективен – даже способные ученики первые два года занятий обычно тонули в «трясине двоек». Оценки-баллы в семинарии соответствовали следующим определениям: 5 – отлично; 4 – очень хорошо; 3 – хорошо; 2 – посредственно; 1 – слабо³⁰. Учиться, по замечанию митрополита Вениамина было скучно, а небезызвестный митрополит Евлогий замечал: «Из казенной учёбы ничего возвышающего душу семинаристы не выносили»³¹.

Неустойчивость первоначальных знаний, чувство неуверенности в себе были причиной того, что некоторые ученики по 2–3 года сидели в одном классе. Только по итогам 1902–1903 учебного года в Тверской семинарии 104 воспитанника были оставлены на повторный курс, по окончании которого 19 из них так и не смогли выдержать экзамен³².

Огромное значение в семинарской педагогической модели образования придавалось искусству молитвы и железной дисциплине. Молитвой сопровождалось каждое действие, каждое начинание, в том числе и экзекуции. От этого ритуал начинал терять свое сакральное содержание и обретал новое бытовое качество. В пореформенный период, когда розги заменили поклонами (за курение – 50 поклонов, за опоздание – 12, «не чинно вышел из-за стола» – 25), молитву и вовсе перестали воспринимать «как внешний знак религиозного настроения»³³. Любопытно, что на преподавательском

²⁹ Помяловский Н. Г. Очерки бурсы. Л., 1977. С. 38.

Pomyalovskii N. G., *Ocherki bursy*, L. 1977, S. 38.

³⁰ Сборник действующих... постановлений... С. 524.

Sbornik deistvuyushchikh... postanovlenii..., S. 524.

³¹ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 28.

Evlogii (Georgievskii), mitr., *Op. cit.*, S. 28.

³² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 802. Оп. 10. Отчеты за 1904–1905 г. Д. 50. Л. 26 об.

Russian State Historical Archive (RGIA), F. 802, Op. 10, Otchety za 1904–1905 g., D. 50, L. 26 ob.

³³ Историческая записка о состоянии Тверской духовной семинарии // ТЕВ. 1882. № 3. С. 75.

Istoricheskaya zapiska o sostoyanii Tverskoi dukhovnoi seminarii, TEV, 1882, № 3, S. 75.

жаргоне молитву называли «упражнением». При таком подходе вера могла приобрести не только казённое, но и репрессивное качество.

В любой религиозной системе сакральное так или иначе связывается с жертвенностью. Но в развитых мировых религиях эта связь становилась всё более завуалированной. В данном случае, напротив, получалось, что дисциплинирующая функция веры выступала в примитивно-устрашающей форме. И это не аналог раннему протестантизму – вольно или невольно семинарское воспитание реанимировало куда более отдаленную религиозную архаику.

Предполагалось, что частые обращения юношей к Богу располагают к благочестию – количество, якобы, перерастало в высокое качество, а не низкое суеверие. Поэтому не рекомендовалось исключать из семинарии слабых учеников, в которых обнаружили «дух молитвы, деятельность, кротость, опрятность и прочее», а напротив, и выдвигать их на должности «комнатных надзирателей»³⁴. Строго говоря, провоцировалось развитие ханжески-ябеднических наклонностей. Положение усугублялось тем, что методика приобщения к христианскому мироощущению оставалась рутинной – она сводилась к механическому выполнению полного молитвенного чина (с заутренями и вечернями), обязательному посещению всех воскресных и праздничных служб. Не приходится удивляться, что, вопреки стараниям семинарских воспитателей, «духовные подвиги» скорее изнуляли юношей, чем умиротворяли их души. «Придешь, бывало, на молитву, – вспоминал митрополит Евлогий, – «в огромном зале стоят человек триста-четыреста, и знаешь, что $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ ничего общего с семинарией не имеют: ни интереса, ни симпатии к духовному призванию. Поют хором молитвы, а мне слышится поют не с религиозным настроением, а со злым чувством; если бы могли, разнесли бы всю семинарию...»³⁵.

Впрочем, не только дефицит благочестия сформировал такое отношение к молитве. Известно, что практически повсеместно это священнодействие использовалось как наказание наряду с «распеканием, нотацией и увещанием». Не удивительно, что в семинарской среде сложилось ироничное отношение к молитве, об этом свидетельствует фольклор бурсаков, традиционно отражаемый в рукописных журналах и их личных дневниках³⁶. Получалось, что изъяны в учебном процессе оборачивались угнетением молитвенного духа и развитием показного благочестия, что было особенно опасно для душевного состояния будущих наставников православных верующих.

³⁴ *Иннокентий, митр.* Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества // *Опыты православной педагогики*. М., 1993. С. 166, 170.

Innokentii, mitr., *Neskol'ko myslei kasatel'no vospitaniya dukhovnogo yunoshestva*, *Opyty pravoslavnoi pedagogiki*, M., 1993, S. 166, 170.

³⁵ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 81.

Evlogii (Georgievskii), mitr., *Op. cit.*, S. 81.

³⁶ *Поздеев В. А.* Рукописные журналы семинаристов начала XX века // *Живая старина*. 2001. № 4. С. 19–22.

Pozdeev V. A., *Rukopisnye zhurnaly seminaristov nachala XX veka*, *Zhivaya starina*, 2001, № 4, S. 19–22.

Неудачи в усвоении предлагаемых программой знаний, согласно утверждениям семинаристов, объяснялись ещё и тем, что они имели некоторые представления о характере своей будущей деятельности и стремились овладеть чисто внешними приемами богослужения, не утруждая себя углублением в православную веру или постижением тонкостей пастырского общения с прихожанами. «Меньше всего мы думали о своей работе в качестве церковных деятелей», – откровенно признавался один из них³⁷.

Заметим, что наставники при этом оказывались весьма снисходительны, полагая, что не всякому выпускнику предстоит в будущем «сопоставляться с еретиками и раскольниками»³⁸, а для «простого» приходского попа такого образования достаточно будет.

Приобретение полноценных знаний затруднялось и тем, что в церковных библиотеках не хватало учебников. Со слов П. В. Цезаревского, на протяжении 1860-х гг. в Воронежской семинарии «не было печатного учебника по словесности, Свящ[енному] Писанию, психологии, логике, педагогике и физике»³⁹. Семинаристам приходилось самим составлять так называемые «системы» по лекционным материалам преподавателей. Обратистые бурсаки литографировали эти записки и продавали их ученикам младших классов «на будущее»⁴⁰.

На содержание библиотек выделялись мизерные средства. Даже семинарии 1-го разряда получали всего по 100–150 руб. в год, тогда как подписка на один журнал «Православное обозрение» (его приказывали выписывать в 5 экз.) стоила 5 руб.⁴¹ Не удивительно, что при открытии в 1829 г. Олонецкой семинарии книги пришлось собирать буквально со всей империи: 21 библиотека (от Архангельской, Петербургской, Тверской, Иркутской, Тобольской епархий) поделилась самой необходимой для учебного процесса богословской литературой⁴². При этом решить проблему комплектации фондов оказалось не под силу даже Учебному комитету Св. Синода. Так же обстояло дело и с художественной литературой, семинаристы сокрушались, что в иных школах в библиотеках вовсе не было беллетристики⁴³, и «сочинения Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского и

³⁷ Цезаревский П. В. Указ соч. // Звонарь. 1906. № 6. С. 285.

Tsezarevskii P. V., *Op. cit.*, Zvonar', 1906, № 6, S. 285.

³⁸ Иннокентий, митр. Указ. соч. С. 165.

Innokentii, mitr., *Op. cit.*, S. 165.

³⁹ Цезаревский П. В. Указ. соч. // Звонарь. 1906. № 2. С. 291.

Tsezarevskii P. V., *Op. cit.*, Zvonar', 1906, № 2, S. 291.

⁴⁰ Там же. С. 291–292.

Ibid, S. 291–292.

⁴¹ Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 145.

Rimskii S. V., *Rossiiskaya tserkov' v epokhu Velikikh reform. (Tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh godov)*, М., 1999, S. 145.

⁴² Духовная семинария в городе Петрозаводске. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://library.petsu.ru/collections/red/300_let.html. Дата обращения: 21.05.2016 г.

⁴³ Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева. С. 140.

Vospominaniya Ivana Yakovlevicha Porfir'eva, S. 140.

Пушкина [им] были известны только по образцам и примерам, которые приводились на уроках»⁴⁴. Зато сочинений отцов Церкви, как правило, было в избытке, правда, их практически не читали. Один из семинаристов вспоминал, что выданные в библиотеке Вятской духовной семинарии фолианты римских и греческих классиков они клали на кровать вместо досок в изголовье, чтобы не проваливались подушки⁴⁵.

Повсеместно индивидуальная покупка книг, необходимых для будущей профессиональной деятельности, по причине бедности бурсаков была затруднительна. По свидетельствам современников – семинаристов середины XIX в. – учебники того времени «пахнут схоластикой», там нет «ни одной строки нравственно-религиозного содержания... нет ни одной книги дельной в объяснении всей церковной службы, всех обрядов богослужения и священнодействий»⁴⁶. Как иронично заметил Помяловский, «науки бурсацкие таким писаны диким языком, вымощены таким непроходимым камнем, что могут произвести в душе человека разве только сыворотку, а никак не возбудить в нём религиозное чувство»⁴⁷.

Завершался учебный процесс получением аттестата. Особые преимущества получали те, кто заканчивал семинарию со званием «студента». Такой аттестат свидетельствовал о выдающихся способностях его обладателя и соответственно открывал путь в духовную академию, возможность получения должности помощника инспектора в семинарии, зачисление на гражданскую службу (XIV класс). Звание студента получали немногие. По Тверской семинарии известен лишь один «беспримечательный выпуск», когда в 1875 г. все окончившие курс (52 чел.) получили звание студента⁴⁸. Продолжить обучение в духовной академии могли лишь 2–3 выпускника-отличника от каждой семинарии.

Слабость подготовки выпускников отмечалась всеми. Но куда опаснее было то, что многие из них возлагали на себя обязанности пастыря без внутренней склонности к этому, исключительно в силу расчёта. Протоиерей М. И. Горчаков, пройдя длинным путём семинариста, затем педагога Костромской семинарии и, наконец, преподавателя Санкт-Петербургского университета, отмечал, что в силу сложившихся обстоятельств семинаристы «свободно уходили на другие поприща, в богословских классах оставались только те, кто связан был нравственно со своей школой и церковной средой». Примечательно, что в университете, где он прослужил 40 лет, они ока-

⁴⁴ Там же. С. 129.

Ibid, S. 129.

⁴⁵ Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева. С. 141.

Vospominaniya Ivana Yakovlevicha Porfir'eva, S. 141.

⁴⁶ Из истории провинциального духовенства. С. 40.

Iz istorii provintsial'nogo dukhovenstva, S. 40.

⁴⁷ Помяловский Н. Г. Указ. соч. С. 150–151.

Pomyalovskii N. G., *Op. cit.*, S. 150–151.

⁴⁸ Колосов В. И. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. С. 353.

Kolosov V. I., *Istoriya Tverskoj dukhovnoj seminarii*, Tver' 1889, S. 353.

зывались «самыми прилежными и даровитыми студентами»⁴⁹. Получалось, что духовные школы при определённых условиях могли бы реализовать свой потенциал и действительно стать рассадником (*seminarium* – от лат. рассадник) знания и веры. Ведь так или иначе, по всей России ежегодно поставляли обществу сотни дипломированных специалистов. Формально к концу XIX в. образовательный уровень православного духовенства вырос: только в Тверской епархии в 1900 г. из числа всех служащих священнослужителей (1061 чел.) полного среднего образования не имели лишь 8 (0,7 %). Сравнительно «молодая» Олонецкая духовная семинария (открыта в 1829 г.) к концу XIX в. подготовила более 2 тыс. священнослужителей, которые внесли огромный вклад в развитие науки и культуры Карелии⁵⁰. Но проблема в другом: в профессиональном плане семинаристов «натаскивали» на исполнение канцелярско-ритуальных обязанностей, а не учили быть духовными наставниками прихожан. В условиях стремительных преобразований во всех сферах общественной жизни такая «учённость» в лучшем случае оказывалась бесполезной. Но эти качества могли быть реализованы только в условиях основательного обновления духовной жизни за стенами семинарий.

Список литературы:

1. Литвак Б. Г. Русское православие в XIX в. // Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 309 – 380.
2. Мраморнов А. И. Духовная семинария в России начала XX века. Кризис и возможности его преодоления. Саратов: «Научная книга», 2007 – 433 с.
3. Поздеев В. А. Рукописные журналы семинаристов начала XX века // Живая старина. 2001. № 4. С. 19–22.
4. Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: изд-во Крутицкого Патриаршего подворья. 1999.
5. Сушко А. В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 107–114.

THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE THEOLOGICAL SEMINARIES OF THE XIX CENTURY RUSSIA IN MEMORIES OF ITS GRADUATES

T. G. Leontieva

The Tver' State University, the Dept of Russian History, Tver', Russia

The article presents an analysis of the educational process in the Russian seminaries in the XIX century and its transformation during the series of re-

⁴⁹ Горчаков М. И., *прот.* О духовной школе // Цит. по: Мраморнов А. И. Указ. соч. С. 313.

Gorchakov M. I., *O dukhovnoj shkole*, in: Mramornov A. I., *Op. cit.*, S. 313.

⁵⁰ Очерки истории православия в Карелии. С. 139.

Ocherki istorii pravoslaviya v Karelii, S. 139.

forms. The author insists that the shortcomings in the organization of religious schools influenced inner seminaries contradictions? mood students and professional conduct of teachers. The actual importance of the problems of spiritual education is revealed primarily through the sources of personal origin. As a result, author concluded that the learning process that was intended to involve students to the world of Russian spiritual culture, to acquaint them with the Orthodox heritage of many centuries, has a destructive impact on the students and helped to reduce the status of religious education. **Keywords:** *Seminary, seminarians, the learning process, the reform of religious schools, Tver diocese memories seminarians, an Orthodox priest.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31б), e-mail: kroneko@mail.ru

About the author:

LEONTIEVA Tat'yana Gennad'evna – The Doctor of History, The Professor, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver', Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

References

- Litvak B. G., *Russkoe pravoslavie v XIX v.*, Russkoe pravoslavie. Vekhi istorii, M., 1989, S. 309 – 380.
- Mramornov A. I., *Dukhovnaya seminariya v Rossii nachala XX veka*, Krizis i vozmozhnosti ego preodoleniya, Saratov, «Nauchnaya kniga», 2007. – 433 s.
- Pozdeev V. A., *Rukopisnye zhurnaly seminaristov nachala XX veka*, Zhivaya starina, 2001, № 4, S. 19–22.
- Rimskii S. V., *Rossiiskaya tserkov' v epokhu Velikikh reform (Tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh godov)*, M., izd-vo Krutitskogo Patriarshe-go podvor'ya, 1999.
- Sushko A. V., *Dukhovnye seminarii v Rossii (do 1917 g.)*, Voprosy istorii. 1996, № 11–12, S. 107 – 114.

Статья поступила в редакцию 20.06.2016 г.